

РЕСПУБЛИКА ТАДЖИКИСТАН / REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Научная статья / Research article

«Арийское» измерение политики памяти в современном Таджикистане

М. В. Кирчанов

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>, e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Аннотация. Цель этого исследования – анализ исторической политики памяти в современном Таджикистане в контекстах использования этнической парадигмы, ограниченной арийскими нарративами и образами, в формировании канона памяти. Автор анализирует основные векторы и траектории развития исторической политики в формировании политического компромисса и поддержании устойчивости таджикской государственности через призму актуализации ресурса этничности, представленной памятью об арийских предках. Изучена роль государственных и общественных участников исторической политики и агентов мемориальной культуры в воспроизводстве и развитии арийских мотивов в современной коллективной памяти. Предполагается, что арийские нарративы в исторической политике имеют вторичный характер, став результатом развития предшествующей традиции этнического национализма. Показано, что арийские нарративы в мемориальной культуре используются ситуативно, иницируясь государством как основным участником исторической политики и коллективным актором, который формирует мемориальную культуру, контролируя основные векторы и траектории ее развития. Результаты исследования позволяют предположить, что в нарративах, формирующих таджикскую историческую политику, арийские нарративы как проявления этнического национализма играют второстепенную роль, хотя нельзя исключать того, что политические элиты могут активизировать попытки артикуляции этнического (арийского) ресурса в современной исторической политике и формируемой мемориальной культуре.

Ключевые слова: историческая политика, политика памяти, Таджикистан, Эмомали мемориальный канон, гражданская идентичность, этничность, этнический национализм, историческое воображение, «великие предки», арии

Для цитирования: Кирчанов М.В. «Арийское» измерение политики памяти в современном Таджикистане // Постсоветские исследования. 2023;5(6):540-548.

"Aryan" dimension of the politics of memory in modern Tajikistan

Maksym W. Kyrchanoff

Voronezh State University, Voronezh, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>; e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Abstract. The purpose of this study is to analyze the historical politics of memory in modern Tajikistan in contexts of using the ethnic paradigm, presented by Aryan narratives and images, in the formation of the memorial canon. The author analyzes the main vectors and trajectories of the development of historical politics in the formation of a political compromise and maintaining the stability of the Tajik statehood through the prism of use of the resource of ethnicity, represented by the memory of the Aryan ancestors. The article analyzes the meanings projected onto the ethnic history of Tajiks through the actualization and visualization of Aryan narratives. The role of state and public participants in historical politics and agents of memorial culture in the reproduction and development of Aryan motifs in modern collective memory is studied. It is assumed that the Aryan narratives in historical politics are of a secondary nature, having become the result of the development of the previous tradition of ethnic nationalism. It is shown that Aryan narratives in memorial culture are used situationally, initiated by the state as the main participant in historical politics and a collective actor that forms memorial culture, controlling the main vectors and trajectories of its development.

The results of the study suggest that in the narratives that shape Tajik historical politics, Aryan narratives as manifestations of ethnic nationalism play a secondary role, although it cannot be ruled out that political elites may intensify attempts to articulate the ethnic (Aryan) resource in modern historical politics and the emerging memorial culture.

Keywords: historical politics, politics of memory, Tajikistan, Emomali memorial canon, civic identity, ethnicity, ethnic nationalism, historical imagination, "great ancestors", Aryans

For citation: Maksym W. Kyrchanoff "Aryan" dimension of the politics of memory in modern Tajikistan // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2023;5(6):540-548.

В начале XXI в. историческая политика вошла в число тех универсалий, которые активно используются правящими политическими элитами для решения, стоящих перед ними задач. Среди последних легитимация собственного пребывания у власти, мобилизация населения во время электоральных циклов и консолидация идентичности тех или иных сообществ в соответствии с принятыми со стороны элитам идеологическими установками и нормами, не является исключением из этой логики тесного переплетения истории и политики.

Таджикистан, который после обретение независимости в результате распада Советского Союза, стремился выработать свои собственные модели реализации и проведения исторической политики, связанные с формированием, укреплением и консолидацией как государственной на уровне элит, так политической идентичности в контексте общества, начал проводить собственную историческую политику. В своем стремлении как консолидировать режим, так и укрепить суверенитет при помощи политики памяти и связанной с ней мемориальной культурой современный Таджикистан, таким образом, не является исключением из универсальной логики политизации и идеологизации истории.

Подобные практики и стратегии инструментализации истории и использования прошлого элитами в политических целях практикуются практически повсеместно в современных государствах. Политика памяти в одинаковой степени фиксируется как в демократических, так и в авторитарных режимах и политических культурах.

В центре авторского внимания в представленной статье будут вопросы этнической компоненты, ограниченной

арийскими нарративами и соответствующими образами, в современной политике памяти Таджикистана. Целью статьи является изучение того, каким образом таджикская политика памяти, проводимая как на государственном уровне так ее гражданскими и общественными используют этнические компоненты национализма для формирования и консолидации соответствующей мемориальной культуры. В число задач автора входит 1) анализ применения этнического воображения в исторической политике, 2) использование ресурсов этничности для консолидации исторической коллективной памяти, 3) выявление перспектив использования этнического национализма для дальнейшей консолидации мемориальной культуры.

С точки зрения методологии, представленная статья основана на принципах, предложенных как в междисциплинарной историографии национализма, так и в многочисленных исследованиях, посвященных исторической политике, возникших в рамках мемориального поворота. Представленная статья в значительной степени базируются на принципах, предложенных в истории идей, интеллектуальной истории и интеллектуальной археологии. Поэтому исследование носит междисциплинарный характер, а автор ориентируется на несколько теоретических постулатов, предложенных его историографическими предшественниками.

Во-первых, предполагается, что историческая политика является совокупностью дискурсивных и нарративных практик, реализуемых как политическими элитами, так и интеллектуалами, вовлеченными в воспроизводство официальной версии

коллективной памяти. Во-вторых, суммируя достижения современной историографии, сфокусированной не изучении применении ресурсов этнического национализма для проведения исторической политики, во внимание следует принимать то, что подобная модель мемориальной культуры апеллируют в первую очередь к ценностям примордиализма, что содействует существенной мифологизации и идеологизации представлений о прошлом в современном обществе. В-третьих, историческая политика памяти, проводимая в рамках национализирующихся сообществ, практически всегда будет вторичной в отношении местных традиций национализма, который в этом регионе возник раньше, чем элиты получили независимость и пришли к осознанию необходимости проведения собственной исторической политики.

В этом отношении политика памяти в Таджикистане является вторичной как в отношении таджикского национализма, так и зарубежного опыта манипуляции с фактами прошлого, что и показано в современных междисциплинарных исследованиях, сфокусированных на изучении как проблем коллективной памяти, так и ее развития в обществах, сопоставимых по уровню своего развития с таджикским.

Политика памяти в Таджикистане. Что касается Таджикистана, то историческая политика таджикских элит отличается рядом особенностей. Принимая во внимание то, что в 1990-е гг. республика пережила острую фазу военного гражданско-религиозного конфликта, элиты страны приняли курс на развитие консолидационной модели исторической политики и воспроизводимой в ее рамках мемориальной культуры. Вместе с тем, особенности этнической структуры населения и значительный уровень традиционности сложившихся институтов и воспроизводимых ими отношений влияет на невозможность проведения политики памяти, следуя исключительно западным или восточноевропейским постсоветским моделям.

Поэтому следует помнить и о том, что в республике значительную роль играют ценности и идеология национализма,

представленного как политической, так и этнической версией. В этой ситуации историческая политика в Таджикистане в одинаковой степени основана как на использовании принципов гражданского, так и этнического национализмов, что сочетается со спецификой сложившегося политического режима, который возник в этом постсоветском государстве. Этничность в транзитных обществах является универсальным ресурсом, который используются властями как для собственной легитимации, так и для мобилизации населения. Таджикистан не является исключением из подобной логики инструментализация как этничности, так и ее проявлений в историческом прошлом и коллективном опыте, редуцируемом до «больших нарративов» историографии.

Современные политические элиты Таджикистана в этой ситуации содействовали политизации истории и тому, что она оказалась в центре не только историографических и академически дебатов, но стала объектом политических манипуляций с фактами прошлого. Интерпретации как академических историков, так активистов политики памяти были подчинены логике нормализации режима путем консолидации общества. Такое политически и идеологически мотивированное использование истории было призвано придать уверенность тем элитам, которые в настоящее время находится у власти, утвердив их в мысли, что монопольный доступ к политическим ресурсам не будет ставиться под сомнение.

Поэтому история в современном Таджикистане стала важным инструментом как легитимации, так и мобилизации, что придает особую актуальность изучению исторической политики в этой постсоветской республике. Особенностью таджикский исторические политики является не только ее компромиссный характер, направленность на консолидацию общества, намеренное и сознательное замалчивание болезненных и травматических моментов национальной истории, но и активные попытки властей использовать этнический ресурс для развития политического национализма [Кирчанов 2020]. В этой ситуации проблемы

этнической истории таджиков и их места среди других родственных народов оказываются в центре многочисленных политических манипуляций, проводимых в рамках исторической политики коллективной памяти [Kurchanoff 2022].

Элиты и легитимация арийства в мемориальной культуре. В историографии неоднократно подчеркивалось, что «в эпоху национальных государств история обречена быть националистической» [Thomson 1968: 23]. Поэтому в национализирующихся обществах историческая политика, более важная в сравнении с академической историографией, неизбежно будет воспроизводить националистический дискурс, ранее возникший в ее рамках. Арийские нарративы в современной исторической политике Таджикистана периодически актуализируются и визуализируются в публичных и общественных пространствах в качестве изобретенной традиции, призванной усиливать и консолидировать таджикскую идентичность. Ведущую роль в утверждении такой парадигмы функционирования исторической политики играют правящие элиты [Кирчанов 2022]. Актуализация арийскости фактически легитимируется текстами президента Э. Размона «Взгляд на историю и цивилизацию ариев», «Арийцы и признание арийской цивилизации» и «Арийские ценности в мировой цивилизации», в рамках которых, согласно официальной мемориальной культуре, показана «демонстрация выдающейся роли ариев в становлении и развитии мировой цивилизации»¹.

2006 г. был объявлен властями Республики Годом арийской цивилизации, что положило начало систематической актуализации идей этнического и политического континуитета между ариями и таджиками как их прямыми наследниками.

Именно развитие такого нарратива привело к утверждению в политической идентичности и мемориальной культуре тезиса о том, что «реальный источник национального самосознания – это, прежде всего, создание независимого государства, национального единства и возвращения к славному прошлому, что требует защиты цивилизации и культурного наследия наших предков, память о сильных личностях и великих нации»².

В рамках проведения мероприятий, связанных с 30-летием независимости в 2021 г. государственные чиновники подчеркнуто и демонстративно отдавали «дань уважения таджикскому языку, празднованию 1100-летия государства Саманидов, возрождению древних праздников Сада, Навруз, Мехргон». В такой ситуации арийскость в рамках официальной культуры исторической памяти воспринимается как один из системных элементов национальной идентичности. Поэтому декларируется, что «арийская идентичность» включает «гордость за свое арийское происхождение... Наш гордый народ принадлежит к арийской расе, и каждый представитель таджикской общины должен знать свое арийское происхождение и гордиться им»³. Подобная логика развития политики памяти в современном Таджикистане вытекает из более ранней динамики истории таджикского национализма, так как именно «в эпоху национализма главными субъектами истории становятся нации, а так как примордиалистский подход наделяет их чрезвычайно устойчивыми культурными характеристиками, то нации вольно или невольно начинают отождествляться с этническими группами, корни которых теряются в незапамятной древности» [Шнирельман 2003: 18], что собственно и стало основой современной мемориальной политики таджикских элит.

¹ Шарипов Ч. Эмомали Рахмон – бунёдгузори консепсияи таърихи тамаддуни тоҷикон // Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. 2022. Ноябрь 15. URL.: <https://tnu.tj/index.php/tj/jemomal-ra-mon-bunjodguzori-konsepsijai-tarihi-tamadduni-to-ikon/>

² Рахмон Э. Тоҷикон дар оинаи таърих. Аз Ориён то Сомониён // Китобхонаи миллии Тоҷикистон. 2020. Июл 29. URL.: <http://old.kmt.tj/oshnoi-bo-kitob->

[emomali-rakhmon-tochikon-dar-oinai-tarih-az-oriyon-somoniyon](http://old.kmt.tj/oshnoi-bo-kitob-emomali-rakhmon-tochikon-dar-oinai-tarih-az-oriyon-somoniyon)

³ Абдуллозода М. Истиклоли давлатӣ ва эҳёи хувияти ориёӣ // Ҳизби Халқии Демократии Тоҷикистон. 2020. Июл 30. URL.: <http://hamsafon.tj/print:page,1,7791-isti1178loli-davlat1250-va-e1202ei-1202uviyati-orie1250.html>

В подобной ситуации «история не только переместилась в центр исторических дебатов» [Lindner 1999: 631], но стала элементом идеологического дискурса. Поэтому меры, связанные с визуализацией арийских образов в публичных пространствах, воспринимаются агентами исторической политики как «возрождение высоких ценностей арийской цивилизации и утверждение таджиков как цивилизованного народа, внесшего значительный вклад в развитие мировой цивилизации»¹. В рамках проведения такой политики памяти «история является представлением о прошлом, тесно связанным с выработкой идентичности в настоящий момент» [Friedman 1992: 195], особенно в тех обществах, где и история, и идентичность пребывают под идеологическим контролем со стороны политических элит.

Арийство как основа этничности в исторической политике. В рамках такой мемориальной культуры арии, воспринимаемым в качестве непосредственных предков таджиков, в современной мемориальной культуре приписывается «особое место», так как именно они «создали митраизм, зороастризм, маздакизм, буддизм, распространили влияние и престиж религий, сект и ответвлений иудаизма, христианства и ислама»². Таджикские интеллектуалы обращаются к образу арийских предков в виртуальном пространстве ситуативно, особенно в тех случаях, если речь заходит об исторической и этнической принадлежности соседних в современном Таджикистане территориях, настаивая, что именно «арийская цивилизация считается первой исторической страницей человеческой цивилизации и основой современных цивилизаций со всеми их явлениями»³.

В частности, Мухтарам Хотам полагает, что исторически весь регион, где

локализован современный Таджикистан, был населен этническими группами, которые не только говорили на арийских языках, но и являются предками таджиков. Поэтому подчеркивается особая роль арийских предков таджиков как носителей и распространителей цивилизации. В мемориальной культуре активно продвигаются идеи о том, что территории, населенные ариями, как этническими и культурными предшественниками таджиков, создали уникальные культуры, включая, например, Саразм, определяемый как «памятник арийского периода... единственный памятник эпохи энеолита и начала бронзового века в Моваруннахре, относящийся к середине IV и началу III тысячелетия до н.э... один из первых памятников арийского периода, уникальный образец этой цивилизации в Согде»⁴.

В рамках современной модели исторической политики, которая реализуется элитами Таджикистана, «объективно история пишется как определенный концепт самости, который основывается на радикальном отделении от какой-либо другой идентичности» [Friedman 2001: 42], что позволяет агентам мемориальной культуры одновременно актуализировать образы арийской / таджикской самости и ее исторические антиподы. В связи с этим актуализируются и политические нарративы в мемориальной культуре, основанной на идее, что «таджикская государственность много раз переживала тяготы упадка и возрождения на протяжении тысячелетий, после каждого поражения и кризиса достигала большей зрелости... гордый таджикский народ за свою тысячелетнюю историю много раз терял свою

¹ Шарипов Ч. Эмомали Рахмон – бунёдгузори консепсияи таърихи тамаддуни тоҷикон // Донишноҳи миллии Тоҷикистон. 2022. Ноябрь 15. URL.: <https://tnu.tj/index.php/tj/jemomal-ra-mon-bunjodguzori-konsepsijai-tarihi-tamadduni-to-ikon/>

² Зарифӣ А. Эҳёи феномени ориёӣ наҷоти тоҷик аст! // Омӯзгор. 2023. Майи 4. URL.: <http://omuzgor-gazeta.tj/?p=4029>

³ Шарипов Ч. Эмомали Рахмон – бунёдгузори консепсияи таърихи тамаддуни тоҷикон // Донишноҳи миллии Тоҷикистон. 2022. Ноябрь 15. URL.: <https://tnu.tj/index.php/tj/jemomal-ra-mon-bunjodguzori-konsepsijai-tarihi-tamadduni-to-ikon/>

⁴ Раҳимӣ Ф. Саразм – ёдгории давраи ориёӣ // Pressa.tj. 2020. Сентябрь 11. URL.: <https://pressa.tj/sarazm-yodgorii-davrai-oriyoi/>

независимость и изгонялся из государства предков»¹.

Вместе с тем актуализируется преемственность таджиков с их арийскими предками, что позволяет сформировать менее привлекательный или открыто негативный образ других сообществ региона. Именно поэтому появление тюркских соседей таджиками датируется только 17 – 18 веками², что делает историков не только участниками исторической политики, которые актуализируют официальную точку зрения в публичных и виртуальных пространствах, но и превращает их в участников войн памяти с соседними, преимущественно тюркскими, историографиями, в рамках которых, по мнению таджикских интеллектуалов, достижения их предков отрицаются, а на арийское наследие искусственно проецируется тюркская идентичность, каковой оно не обладало.

Наряду с тюрками, в мемориальной культуре на статус универсальных Других претендуют арабы, негативный образ которых формируется и развивается через призму арийства таджиков. В связи с этим утверждается, что не только «арабская шовинистская идеология, арабский язык, племенные обычаи арабов пустыни были приняты за язык небесной книги, язык людей рая, а язык и культура других народов и народов, принявших ислам, были заклеены как ересь», но и то, что «на протяжении почти тысячелетней истории арии-таджики угнетались пустынных завоевателями и кочевниками»³. Подобное практико-ориентированное восприятие прошлого, интегрируемого в число средств политической мобилизации, в реалиях современного Таджикистана подчеркивает, что «история всегда использовалась для легитимации политических процессов и

состояний» [Кушко, Таки 2003: 485]. Последнее становится особенно эффективным и действенным, если идеи Самости будут визуализироваться через призму из противопоставлениями с идентичностями Других.

Арийство и мемориальная политика.

Формой проявления арийских нарративов в мемориальной культуре Таджикистана является регулярная актуализация преемственности в развитии исторической науке, особенно – в тех случаях, когда представляется возможным подчеркнуть арийство предков таджиков, образы которого конструируются в категориях «озодазодагони ориёӣ»⁴, что призвано подчеркнуть их, в отличие от тюркских соседей, склонность к свободе. Именно поэтому арийская ориентация в исторической политике, «не имевшая большого значения для традиционного ирано-исламского сознания, превратилась в один из действенных элементов самоидентификации современных таджиков» [Шукуров 2003: 241]. В условиях доминирования именно такой логики формирования мемориальной культуры историческая политика превращается в «переписывание истории согласно этноцентричным канонам» [Shnirelman 2009: 558].

Если, как полагал британский исследователь национализма Э. Смит, «нации создаются в историческом воображении» [Smith 1992: 61], то их современная легитимация может осуществляться путем инструменталистского использования прошлого в рамках исторической политики. Именно поэтому некоторые участники политики памяти радикально утверждают, что понятия «точик» и «ориёӣ» следует признать синонимами⁵. Например, в 2019 г. был переиздан труд Б. Гафурова «Таджики»,

¹ Абдуллозода С. Оини давлатдории тоҷикон истиқлолият аст // Ҳизби Халқии Демократии Тоҷикистон. 2020. Август 9. URL.: <http://hhdtkhatlon.tj/node/21934>

² Хотам М. Мухочирати кирғизҳо ба водии Рашт (қаротегин) ва дигар сарзаминҳои тоҷикон // Равшанфикр. 2021. Майи 3. URL.: <https://ravshanfikr.tj/to-ikon-dar-masiri-ta-rikh/mu-oirati-ir-iz-o-ba-vodii-rasht-arotegin-va-digar-sarzamin-oi-to-ikon.html>

³ Зарифӣ А. Эҳёи феномени ориёӣ наҷоти тоҷик аст! // Омӯзгор. 2023. Майи 4. URL.: <http://omuzgor-gazeta.tj/?p=4029>

⁴ Зарифӣ А. Эҳёи феномени ориёӣ наҷоти тоҷик аст! // Омӯзгор. 2023. Майи 4. URL.: <http://omuzgor-gazeta.tj/?p=4029>

⁵ Абдурахмон М., Махдӣ С. Решаи вожаи тоҷик бешубҳа аз тоҷ аст // Tajik History. 2017. Декабр 3. URL.:

презентации которого прошли в различных регионах страны и за ее пределами – в регионах, населенных таджиками или этнически близкими к ним группами, что подчеркивало общее арийское происхождение. Б. Гафурову в заслугу современными таджикскими авторами ставится то, что именно он предпринял первую попытку написания комплексной истории таджиков¹, что позволяет интегрировать его фигуру в национальную мемориальную культуру.

Наследие Б. Гафурова в такой ситуации используется для легитимации арийских нарративов как одной из основ исторической политики современного Таджикистана. В 2019 г. власти не только переиздали книгу Б. Гафурова, которым конструировался положительный образ арийских предков и проводилась идея арийско-таджикской преемственности, но и инициировали ее бесплатное распространение с целью большей популяризации идеи того, что «таджики – культурный, цивилизирующий и творческий народ арийского происхождения»². В 2019 г. Мужда Фаиз Нур, ректор Бадахшанского университета социальных наук, в связи с этим особо подчеркивал, что Б. Гафуров своими исследованиями древней истории «прояснил мрак истории Восточного Хорасана и показал, что народы нынешнего региона Средней Азии имеют культурные общие черты»³.

Выводы. Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов, связанных с развитием исторической политики в современном Таджикистане в контексте использования ресурсов этничности.

Этничность стала универсальной формой актуализации исторической памяти и коллективного опыта в обществах, подобных таджикскому. Поэтому политика памяти

самым тесным образом пересекается с ценностями и принципами идеологии таджикского национализма, что проявляется в активном использовании ресурсов этничности, которые нередко редуцируются до воспроизводства и тиражирования и развитие в таджикских культурных контекстах арийского мифа, который получил развитие в ряде других национальных историографий. В современном Таджикистане применение арийского мифа практически полностью монополизировано как академической историографией, так и исторической политикой.

Если в рамках академической исторической науки арийские нарративы представлены в основном в тех случаях, когда речь идет о проблемах этногенеза и этнической истории таджиков, то в исторической политике и политике коллективной памяти применения арийских нарративов носит преимущественно инструменталистский характер, будучи призванным решать те задачи, которые стоят перед современными таджикскими политическими элитами. В этой ситуации, принимая во внимание специфику развития таджикского общества, слабость институтов гражданского национализма, наличие значительных архаичных элементов, следует предполагать, что дальнейшее использование ценности национализма и в историческом воображении и конструировании именно арийских образов в современной коллективной памяти, формируемой в рамках таджикской исторической политики, будет продолжаться.

Вместе с тем, следует помнить о том, что развитие этнического национализма в других обществах Европы и Востока рано или поздно приводило к его трансформации в гражданский национализм по мере решения задач, стоящих перед элитами. В этой

<https://ok.ru/group/54746138542325/topic/67490920633845>

¹ Қодиров К. «Тоҷикон» – шухрати таърихи ориёӣ // Фараж. 2023. Апрель 23. URL.: <https://farazh.tj/sahifai-asosy/tarih/tojikon-shuhrati-tarhi-orijoy/>

² Ба ҳар оила дар Тоҷикистон китоби «Тоҷикон» тақдим мешавад // Sputnik. Тоҷикистон. 2019. Декабр 26. URL.: <https://sputnik.tj/20191226/Suporishi->

[Rahmon-ba-har-oila-kitobi-Tojikon-taqdim-meshavad-1030455928.html](https://sputnik.tj/20191226/Suporishi-Rahmon-ba-har-oila-kitobi-Tojikon-taqdim-meshavad-1030455928.html)

³ “Тоҷикон” – и Бобочон Гафуров дар Бадахшони Афғонистон рӯнамоӣ шуд // Sputnik. Тоҷикистон. 2019. Декабр 18. URL.: <https://sputnik.tj/20191218/Toikon--i-Boboan-afurov-dar-Badakhshoni-Afoniston-rnamo-shud--1030414557.html>

ситуации нельзя исключать, что активное использование арийских нарративов в современной таджикской политике памяти приведет к консолидации нации сначала на этнической, а позднее и на гражданской основе. В этом контексте активная эксплуатация этнического ресурса, представленного арийскими образами, в современной таджикской политике памяти может рассматриваться как предпосылка для трансформации таджикского национализма из этнического в направлении политического.

Активное применение политическими элитами, находящимися у власти, ресурса этничности для консолидации общества и легитимации собственного пребывания у власти, рано или поздно станет объектом деконструкции. Поэтому не представляется возможным исключать, что гражданские компоненты начнут оказывать более существенное влияние на формирование векторов и траекторий как развития, так и функционирования не только идентичности, но и той мемориальной культуры, которая призвана ее легитимировать на уровне исторической политики памяти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кирчанов М.В.* "Арийский миф" как фронтальный случай изобретения традиций и исторического воображения незападных национализмов // Журнал фронтальных исследований. 2020. Т. 5. № 2. С. 122 – 157.
- Кирчанов М.В.* Роль президента в "политике памяти" в современном Таджикистане // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5. № 2. С. 147 – 155.
- Кушко А., Таки В.* "Кто мы?" Историкографический выбор: румынская нация или молдавская государственность // *Ab Imperio*, 2003. № 1. С. 485 – 495.
- Шнирельман В.А.* Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003. 592 с.
- Шукуров Р.* Таджикистан: муки воспоминания // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / ред. К. Аймермахер, Г. Бордюгов; предисл. Ф. Бомсдорфа. М.: Фонд Фридриха Науманна – АИРО-XX, 2003. С. 228 – 254.
- Friedman J.* History, Political Identity and Myth // *Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology*. 2001. No 1. P. 41 – 62.
- Friedman J.* Myth, History, and Political Identity // *Cultural Anthropology*. 1992. Vol. VII. No 2. P. 194 – 210.
- Kyrchanoff M.W.* Aryan myth as a mechanism of modernisation and political instrumentalisation of nationalism // *Acta Orientalia Voronensia: Воронежское востоковедение. Сборник статей / отв. ред. М.В. Кирчанов.* Воронеж: Воронежский государственный университет, 2022. Вып. 4. С. 37 – 67.
- Lindner R.* New Directions in Belarusian Studies besieged past: national and court historians in Lukashenka's Belarus // *Nationalities Papers*. 1999. Vol. 27. No 4. P. 631 – 647.
- Smith A.D.* Nationalism and the Historians // *International Journal of Comparative Sociology*. 1992. Vol. 33. No 1 – 2. P. 58 – 80.
- Shnirelman V.* Aryans or Proto-Turks? Contested Ancestors in Contemporary Central Asia // *Nationalities Papers*. 2009. Vol. 37. No 5. P. 558 – 587.
- Thomson D.* Must History stay Nationalistic? The Prison of Closed Intellectuals Frontiers // *Encounter*. 1968. Vol. 30. No 6. P. 22 – 28.

REFERENCES

- Kirchanov M.V.* "Aryan myth" as a frontier case of the invention of traditions and historical imagination of non-Western nationalisms // *Journal of Frontier Research*. 2020. V. 5. No. 2. pp. 122 – 157.
- Kirchanov M.V.* The role of the president in the "politics of memory" in modern Tajikistan // *Post-Soviet Studies*. 2022. V. 5. No. 2. pp. 147 – 155.
- Kushko A., Taki V.* "Who are we?" Historiographic choice: Romanian nation or Moldovan statehood // *Ab Imperio*, 2003. No. 1. pp. 485 - 495.

- Shnirelman V.A.* Memory Wars. Myths, identity and politics in Transcaucasia. M.: Akademkniga, 2003. 592 p.
- Shukurov R.* Tajikistan: the torments of memories // National histories in the Soviet and post-Soviet states / eds. K. Eimermacher, G. Bordyugov; foreword F. Bomsdorf. M.: Friedrich Naumann Foundation – AIRO-XX, 2003. pp. 228 – 254.
- Friedman J.* History, Political Identity and Myth // Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology. 2001. No 1. pp. 41 – 62.
- Friedman J.* Myth, History, and Political Identity // Cultural Anthropology. 1992. Vol. VII. No 2. pp. 194 – 210.
- Kyrchanoff M.W.* Aryan myth as a mechanism of modernisation and political instrumentalisation of nationalism // Acta Orientalia Voronensia: Voronezh Oriental Studies / ed. M.V. Kirchanov. Voronezh: Voronezh State University, 2022. Vol. 4. pp. 37 – 67.
- Lindner R.* New Directions in Belarusian Studies besieged past: national and court historians in Lukashenka's Belarus // Nationalities Papers. 1999. Vol. 27. No 4. P. 631 – 647.
- Smith A.D.* Nationalism and the Historians // International Journal of Comparative Sociology. 1992. Vol. 33. No 1 – 2. pp. 58 – 80.
- Shnirelman V.* Aryans or Proto-Turks? Contested Ancestors in Contemporary Central Asia // Nationalities Papers. 2009. Vol. 37. No 5. pp. 558 – 587.
- Thomson D.* Must History stay Nationalistic? The Prison of Closed Intellectuals Frontiers // Encounter. 1968. Vol. 30. No 6. pp. 22 – 28.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кирчанов Максим Валерьевич – доктор исторических наук, доцент Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений и Кафедры истории зарубежных стран и востоковедения Исторического Факультета Воронежского государственного университета, maksymkyrchanoff@gmail.com

Maksym W. Kyrchanoff – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Studies and Foreign Countries Economies (Faculty of International Relations) and the Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies (Faculty of History), Voronezh State University, maksymkyrchanoff@gmail.com